

уехавшие за рубеж от преследований православной церкви и притеснения царских властей). Точные данные о численности первой дореволюционной волны в известной нам литературе отсутствуют, однако однозначно указывается, что случаи бегства за рубеж носили не единичный характер: счет шел на тысячи.

Согласно данным, приводимым в опубликованной в 1994 г. в энциклопедии «Народы России» статье С. И. Брука, с конца XVIII в. усилился отток за границу представителей отдельных этносов, национальные и культурные интересы и устремления которых ущемлялись царскими властями (крымские татары, ногайцы, поляки, народности Кавказа). Эту миграцию мы предлагаем расценивать как вторую дореволюционную эмиграционную волну.

Первая половина XIX в. отличалась сравнительно слабым развитием миграционных процессов. Эмиграции населения до 1830-х гг. почти не происходило. Однако с 1830-го по 1861 г. число покинувших Россию крымских татар, ногайцев и поляков превысило 220 тыс. чел. – третья дореволюционная волна эмиграции из России.

Отмена крепостного права резко увеличила подвижность российского населения. Эмиграцию в пореформенные годы до начала войны в Европе представляется нам оправданным считать одной эмиграционной волной – четвертой дореволюционной в истории России.

Итак, в истории дореволюционной эмиграции следует выделять не одну, а четыре волны эмиграции, хронологические рамки которых и, в особенности, количественные параметры нуждаются в уточнении.

В истории российской послеоктябрьской эмиграции правильнее говорить о трех, а не о четырех волнах: 1917–1938 гг. – первая волна, вызванная революционными событиями и Гражданской войной; 1939 г. – конец 1950-х гг. – вторая, обусловленная преимущественно событиями Второй мировой войны; 1960–1990-е гг. – третья, имеющая в своей основе главным образом неудовлетворенность советских (российских) евреев своим положением и нерешенность проблемы обеспечения прав российских немцев, в первую очередь восстановления национальной автономии в Поволжье. При этом важно помнить, что эмиграция конца 1980–1990-х гг. – понятие более размытое, нежели эмиграция предыдущих волн. Очевидно, что сейчас, когда россияне получили возможность свободно выезжать за пределы страны, не теряя гражданства, и возвращаться по личному желанию, эмиграция как массовое явление уходит в прошлое.

УДК 316.75

Реутов Евгений Викторович,

кандидат социологических наук, доцент, reutovevg@mail.ru,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

НОРМАТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: Рассматривается нормативность как компонент социальных отношений.

Ключевые слова: Норма, традиции, инновации, межпоколенческие отношения.

NORMATIVITY IN THE MODERN WORLD

Abstract: The normativity as a component of the social relations is considered.

Keywords: Norm, traditions, innovations, intergenerational relations.

Неопределенность и турбулентность социальных процессов в современном обществе, отмечаемые многими социологами, способствуют размыванию традиционных институтов, структур и идентичностей. Формирование единого глобального гражданского общества сочетается с усилением этнической и религиозной конкуренции [1, 13-15]. Общество все в большей степени становится конгломератом трудно идентифицируемых в соответствии с общепринятыми стратификационными критериями групп. Самоидентификация приобретает сугубо локальный характер и основывается не на принадлежности к массовым социальным общностям, а на причислении себя к первичным социальным группам, клубам по интересам, или вовсе становится индивидуализированной.

Конфликт между традициями и инновациями в настоящее время становится особенно острым как частное выражение столкновения различных по своему основанию идентичностей. Инновации при этом увязываются их концептуальными адептами с созданием возможностей для развития общества, его количественных и, прежде всего, качественных изменений, являющихся основой потребления различных благ. Традиции мыслятся в качестве основы для самосохранения общества, его структур и институтов, зарекомендовавших себя во времени. В связи с этим остро встает вопрос о значимости нормативности как элемента социальных отношений и социального поведения. Безусловно, научный анализ нормативности существенным образом зависит от концептуальной и идеологической предрасположенности его субъектов. Для консерватора нормативность, скорее всего, будет абсолютной ценностью; для «инноватора» – ограничителем социального, художественного, научного, технического творчества. Однако взвешенный взгляд на данную проблему требует определенного отстранения от изначальных идеологических позиций и, что еще более важно, понимания ее в контексте сложившихся в конкретных обществах массовых ценностей и установок.

Нормативность как компонент социальных отношений в самом общем виде означает способность общественных институтов вырабатывать легитимные для большинства регуляторы поведения. Как элемент социального поведения, в том числе, индивидуального, нормативность – это установка на выбор и следование социальной норме. Естественно, первое является ключевым условием второго. Индивидуальная или коллективная установка на соблюдение социальных норм не может вырабатываться тогда, когда самих этих норм не существует. Этот факт нашел отражение в многочисленных концепциях социальной аномии – от Э. Дюркгейма до Р. Мертона.

Соответственно, социологический анализ нормативности в конкретном обществе, в рамках определенного исторического времени должен исходить, прежде всего, из оценки эффективности социальных институтов и практики

относительно выработки легитимной нормативной системы. Приведенные в начале работы оценки ряда социологов, отражающие тенденции к субкультурности и индивидуализации общественных практик в современном обществе, сами по себе являются ярким показателем кризиса нормативности. Однако здесь необходимо учесть следующее. Во-первых, эти оценки касаются, прежде всего, обществ с европейской системой ценностей либо тех анклавов традиционных обществ, которые включены в процесс глобализации. В обществах же, сохраняющих существенные элементы традиционализма, могут наблюдаться совершенно противоположные процессы. Наиболее ярким примером служит фундаментализация исламских обществ.

Во-вторых, для социокультурных тенденций последних десятилетий характерен переход ряда перверсий в разряд социальных норм. Причем, норм достаточно жестких по формам социального контроля. Наиболее иллюстративной в данном отношении является история с легализацией однополых сексуальных отношений в нескольких десятках стран.

Таким образом, социальная практика демонстрирует то, что способность организованных групп и институтов формировать и транслировать социальные нормы не утрачена. Другое дело, что интенсификация процесса трансформации нормативной системы общества имеет неоднозначные последствия. Во-первых, она может порождать последствия в виде аномии, поскольку массовое сознание оказывается не в состоянии примирить противоположные по своей сути требования, и общественная мораль оказывается в состоянии жесткого конфликта с правом или этосом элитарных групп. Неоднозначная реакция на легализацию однополых браков в европейских странах, особенно, во Франции является иллюстрацией фрагментации нормативной системы.

Во-вторых, эта трансформация часто вызывает консервативную реакцию в виде ригоризации нормативной системы. Так, в Индии в конце 2013 г. произошла рекриминализация гомосексуальных отношений после четырех лет их легального существования.

В современном мире нормативность, таким образом, не только подвергается эрозии, но и поощряется в рамках локальных «консервативных революций», происходящих в пределах отдельных государств и субнациональных структур.

Противоречивые тенденции в отношении нормативности характерны и для российского общества последних лет. С одной стороны, консервативный перелом, характеризующий социокультурную и политическую дистанцию между третьим сроком В. Путина и легислатурой Д. Медведева ставит ценность традиции выше инноваций. С другой, в российском обществе продолжается социокультурный кризис, связанный, в том числе, с неэффективностью права и морали. Нелегитимность элиты влечет за собой и нелегитимность создаваемых ею для общества регуляторов. В обществах современного либо переходного типов распространена установка на интегрированный характер нормативно-ценностной системы, по крайней мере, в ее базовой части. К элитам в данном случае применяются не только функциональные, но и моральные критерии.

Между тем, в России налицо диссонанс между нормативным представлением об элитах как о референтных группах и скепсисом по отношению к ним на дескриптивно-оценочном уровне. «Постсоветская элита, - как отмечают Л. Гудков и Б. Дубин, - лишена свойств меритократии... Будучи социально закрытым и неопределенным множеством, российская элита не имеет отношения к символической репрезентации ценностей всего целого» [2, 77].

Следствием разрыва между обществом и элитой в сочетании с крайне гетерогенным характером общества является то, что нормативность утрачивает свое социетальное происхождение. Ее уже формируют субнациональные структуры этнического, корпоративного, ценностного вплоть до микрогруппового уровней. Часто социологи фиксируют межпоколенческие разрывы – молодежь в огромном количестве случаев менее склонна связывать себя «общепринятыми» нормами и героизирует девиации.

Так, по данным опроса Pew Research, действия Э. Сноудена вызвали самые противоречивые оценки в американском обществе. При этом наблюдается существенная разница в мнениях представителей различных возрастных групп. Так, для большинства (57%) респондентов 18-29 лет Сноуден раскрытием секретов АНБ послужил общественным интересам; но для большинства людей старшего возраста он предатель, который должен ответить перед судом (так ответили 63% респондентов 50-65 лет и 61% респондентов старше 65 лет) [3].

В российском обществе значимые межпоколенческие различия, связанные с принятием тех или иных норм, наблюдаются по поводу допустимости эмиграции. Если переезд на постоянное место жительства за границу считаю допустимым лишь 40% респондентов 60 лет и старше, то среди респондентов 18-30 лет эта доля составляет уже 78%. В то же время по поводу допустимости разводов межпоколенческая разница значительно меньше [4].

Очевидно, что в обществе современного типа менее значимыми становятся нормы, ограничивающие индивидуальную свободу потребления, самовыражения и достижения успеха. Последнее, напротив, очень связано с выходом за пределы нормы, что демонстрируют индивидуальные истории большого числа представителей политической и экономической элиты. Опыт девиации становится прямо востребованным для ряда сфер деятельности от секьюрити до творчества. В качестве последней можно отметить граффити в качестве «относительно «безопасной» девиации» [5, 69]. Проблема заключается в том, что при отсутствии единого нормативного поля общество не может контролировать степень и характер допустимых отклонений от нормы. Для элиты же нормативность является зачастую лишь инструментом управления.

Таким образом, в современном обществе проблема нормативности обостряется конфликтом между традицией и инновацией. Традиция зачастую не может обеспечить развития, инновация разрывает коллективную идентичность. Диагностика и понимание нормативности осложняется, в свою очередь, фрагментацией нормативно-ценностных систем отдельных обществ, при которой готовность следовать субкультурным нормам исключает

соблюдение формально доминантных. Утрата связи между нормативностью и жизненным успехом ставит под вопрос ценность нормативного поведения. Следует отметить также, что меняются не только нормы. Ряд коллизий и отношений становятся, в принципе, нормативно нерегулируемыми.

Библиографический список:

1. Левашов, В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. 2012. №12. С.12-22.
2. Гудков, Л. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» [Текст] / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et contra. 2007. Май-июнь. С.73-97.
3. Цилюрик Д. Интернет после Сноудена должен стать другим // Независимая газета. 2014. 24 января.
4. Этические нормы в современной России. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11069> (дата обращения: 10.01.2014).
5. Барсамов С.А. Необходимость девиантного опыта для одобряемой карьеры в граффити: социальная аномия или норма переходного периода // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С.68-70.

УДК: 79-053.67, 316.628.2

Сотков Олег Леонидович,
магистр, olegsotkov@gmail.com,

Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет, г. Тюмень

СТРАЙКБОЛ – КАК НЕТРАДИЦИОННЫЙ ВИД СПОРТИВНЫХ ИГР СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В данной статье автор приводит пункты, которые мотивируют молодежь, начать играть в страйкбол.

Ключевые слова: страйкбол, молодежь.

Sotkov Oleg Leonidovich

AIRSOFT - AS AN UNCONVENTIONAL FORM OF SPORTS AMONG THE YOUNG PEOPLE

Abstract: In this article the author gives points, which motivate young people to start playing airsoft.

Keywords: airsoft, young people).

В настоящее время среди молодых людей увеличилась ценность спортивного образа жизни. Так же наравне со стандартными видами спорта, все больше молодежи начинают интересоваться и увлекаться различными специфическими спортивными играми. Одними из таких игр, к которым в последнее время активно повышается интерес молодых людей, являются военно-ориентированные игры (такие как пейтбол, страйкбол, хардбол и т.п.). В данной статье автор постарается выделить основные причины, так сильно привлекающие молодых людей в данных видах игр, на примере военно-спортивной игре страйкбол.

Страйкбол - некоммерческая, командная военно-спортивная игра. Данный вид военно-спортивной игры отличается от иных схожих игр (пейтбол, хардбол и т.п.) тем, что в ней идет больший акцент на имитацию реальных боевых единиц. То есть легкая пневматика, используемая в данной игре, в отличие от вооружений в других аналогичных играх, визуально копирует реально